

На следующее утро Се Синьцзянь проснулся отдохнувшим и полным сил. Потянувшись, он легкой походкой направился в ванную.

Стоя перед унитазом, Синьцзянь занес руку, но вдруг замер и невольно хмыкнул.

Перед глазами всплыло воспоминание о том, как вчера вечером Ли Вэньсю точно так же положил руки ему на талию, помогая... Ну да, под конец Вэньсю все-таки не сдержался и взял дело в свои руки.

Он даже пригрозил, что, когда Синьцзянь полностью поправится, не выпустит его из кровати трое суток подряд. И пусть Се Синьцзянь лишь фыркнул на эти преувеличения, от того, с какой искушающей интонацией это было сказано, внутри всё сладко замирало.

Для новоиспеченной парочки любое прикосновение — уже в радость, а Ли Вэньсю зашел так далеко! Жаль только, что тот отказался от ответной помощи. Наслаждаться удовольствием в одиночку было как-то даже неловко.

Опасаясь разбудить Вэньсю — который накануне решительно отверг взаимную помощь, из-за чего явно не выспался и до сих пор дрых, — Синьцзянь проявил трогательную заботу и ушел в гостевой санузел в гостиной.

Едва он вымыл руки, как раздался дверной звонок.

Подойдя к двери и взглянув в видеодомофон, он увидел средних лет женщину в пальто из альпаки и с темно-серой сумкой под крокодиловую кожу. В чертах ее лица угадывалось нечто общее с Ли Вэньсю.

Синьцзянь помешкал: впустить визитершу сразу или вернуться в спальню за хозяином дома?

За спиной послышались шаги. В следующее мгновение широкая ладонь легла на дверную ручку и плавно опустила ее вниз.

Тяжелая бронированная дверь распахнулась. Ли Вэньсю без каких-либо эмоций посмотрел на гостью и сухо произнес:

— Мама.

Се Синьцзянь даже опомниться не успел, как встретился взглядом с женщиной. Похоже, та испугалась еще больше: опешив, она долго молчала и лишь затем осторожно спросила у сына:

— А это...

— Мой парень, — с абсолютным спокойствием ответил Ли Вэньсю. В его голосе не проскользнуло ни единой эмоции, будто он просто заметил, что погода сегодня отличная.

Се Синьцянь лишился дара речи.

Вот так просто взять и совершить камингаут?!

Женщина онемела от шока и некоторое время не могла вымолвить ни слова. Вэньсю же, ничуть не смутившись, даже не удосужился взглянуть на нее. Вместо этого он повернулся к Синьцяню и мягко спросил:

— Чего так рано встал?

Синьцянь хотел было возразить, что уже десятый час — какое уж тут «рано»! И если бы Вэньсю вчера дал ему шанс проявить себя, сам бы сейчас тоже не валялся. Но выкладывать такое при родной матери Ли Вэньсю было совершенно не к месту, поэтому он смущенно отвернулся и пробормотал:

— Просто хорошо выспался.

— Понятно, — Ли Вэньсю взъерошил ему волосы на затылке и, кажется, едва заметно улыбнулся: — Сегодня ночью я сделаю так, чтобы ты выспался еще лучше.

Синьцянь едва глаз не лишился от изумления.

Ты же стоишь прямо перед собственной матерью! С чего вдруг эти сальные намеки?!

Мать Вэньсю стояла на пороге, чувствуя себя совершенно чужой. В ее глазах читались сомнения и откровенная робость перед собственным сыном.

Синьцянь знал, что у Вэньсю сложные отношения с семьей, но не думал, что до такой степени.

— Сначала позавтракай, меня не жди, — сказал Вэньсю, после чего мельком скользнул взглядом по матери и бросил: — Для разговоров есть кабинет. Пошли.

Женщина заметно расслабилась и торопливо поплелась за ним.

Синьцянь застыл на несколько секунд, пока мягкий бок Сяо Хэя не ткнулся в его голень. Опомнившись, он немного поиграл с пантерой, после чего вернулся к себе в комнату.

Приведя себя в порядок и переодевшись в домашнее, Синьцянь заказал доставку. Вскоре

консьерж принес еду, и одновременно с этим открылась дверь кабинета. На пороге появились двое — лица у обоих были мертвенно-серыми.

Госпожа Ли сохраняла образ изысканной и элегантной дамы, хоть и выглядела осунувшейся. У самого выхода она неожиданно обернулась и смерила Синьцяня пристальным взглядом.

Синьцянь, только собравшийся распечатать пакет с едой, замер. Он ожидал колкостей или нотаций, но женщина молча повернулась и ушла.

Лишь когда за ней захлопнулась дверь, Синьцянь перевел дыхание — сердце, подскочившее к самому горлу, наконец вернулось на место.

— Не переживай, она тебя не тронет, — неизвестно откуда появившийся Ли Вэньсю обнял его сзади за талию и уткнулся подбородком в плечо. — Зачем так много еды заказал?

— Я думал, твоя мама останется позавтракать.

— Не останется, — качнул головой Вэньсю. — И на будущее: никого из них зазывать за наш стол не нужно.

— Понял, — кивнул Синьцянь.

Они уселись друг напротив друга и принялись за еду. Синьцяня сжигало любопытство, но допытываться он не стал. У каждого есть скелеты в шкафу и темные страницы прошлого, и незнание деталей нисколько не уменьшало его чувств к Ли Вэньсю.

— Мать приходила, чтобы сосватать меня, — неожиданно произнес Вэньсю.

— Кха-кха!... — Синьцянь не ожидал такого поворота и поперхнулся рисовой кашей.

— Тихо-тихо, не нервничай, — Вэньсю тут же подал ему стакан воды. — Я отказался.

Заметив, как Синьцянь покраснел от кашля, он поспешно добавил:

— И раньше никогда на это не соглашался.

Сделав несколько жадных глотков, Синьцянь перевел дух и смущенно пробормотал:

— Да я не то чтобы нервничаю... просто врасплох застал.

Теперь понятна причина того странного взгляда госпожи Ли — Синьцзянь просто-напросто перешел ей дорогу и сорвал выгодный план.

— А они не станут тебе мстить? — слегка обеспокоенно спросил он.

Вэньсю ровно ответил:

— Не посмеют.

— Ну и славно.

— Вообще, они планировали устроить договорной брак, — Ли Вэньсю подпер подбородок и спросил: — Знаешь Ли Юнчао?

Синьцзянь напряг память:

— Председатель девелоперской компании «Лие»?

— Именно. Мой биологический отец. Мать родила меня вне брака, а когда мне исполнилось пять, они с Ли Юнчао наконец расписались. Впрочем, как только я стал совершеннолетним, сразу раздал им всем вольные и оборвал все связи. — Вэньсю говорил об этом так отстраненно, словно пересказывал чужую биографию. — Недавно у его компании начались проблемы, вот они и решили спасти бизнес через мой брак. Потому мать и прислали в качестве свата.

Синьцзянь на мгновение замер, а затем в нем закипела настоящая ярость:

— Сначала довели до того, что ты из дому ушел, а как прижало — сразу вспомнили про «родительский долг»! Да какие они после этого родители?!

Ли Вэньсю не ожидал от юноши такой вспышки гнева, но в следующее мгновение на его душе стало тепло. Какое дело до родственников, когда у тебя есть такой верный и преданный парень?

— С чего ты взял, что они меня выжили? — рассмеялся Вэньсю, и от прежней хандры не осталось и следа. — А вдруг я сам оказался той еще сволочью и измывался над бедными предками?

— Исключено, — отрезал Синьцзянь, нахмурившись. — Ты не способен на такое.

— И какой же я, по-твоему? — Вэньсю с интересом изогнул бровь.

Синьцянь выдал без раздумий:

— Ты смелый, справедливый, добрый и всегда готовый помочь.

Затем, немного подумав, подытожил:

— Ты вообще самый лучший человек на свете.

Вэньсю посмотрел на него с бархатной, соблазнительной хрипотцой в голосе:

— И это всё?

— Ну... — Синьцянь замялся, смущенно опустив глаза. — Ты еще... очень красивый...

— Насколько красивый?

Синьцянь поднял голову, намереваясь честно и открыто посмотреть ему в глаза, но едва встретился с ним взглядом, как Ли Вэньсю уже накрыл его губы своими.

С тех пор как они начали встречаться, поцелуи стали привычным делом, и Синьцянь успел войти во вкус. На мгновение удивившись порыву, он тут же растаял и ответил на ласку.

Когда они наконец разлепились, Синьцянь с легкой досадой оттолкнул его в грудь:

— Мы же нормально разговаривали, с чего ты лезть-то начал...

— Ты же сам сказал, что я красивый, — мягко шепнул Вэньсю, поглаживая пальцами его шею.

— Вот я и подошел ближе, чтобы ты рассмотрел поподробнее.

—...

Помолчав, Синьцянь вдруг добавил:

— Я замял самое главное качество.

— Какое же? — с живописным интересом спросил Вэньсю.

Синьцянь с совершенно невозмутимой миной выдал:

— Ты еще и похабник редкостный.

Вэньсю: «...»

Заявление о том, что Ли Вэньсю — редкий похабник, возымело закономерные последствия: Синьцяня тут же прижали к обеденному столу и во всех подробностях продемонстрировали, насколько глубока эта похабность.

Синьцянь считал себя парнем не из пугливых, но у Вэньсю в подобных делах оказался настоящий природный дар: этот черт изобретал такие трюки и вытворял такие штуки, которым ни в одном учебнике не научат.

Безобразие продолжалось почти до полудня. Наконец Синьцяню удалось вырваться. Он кое-как одернул измятую футболку и поднялся, но, опустив взгляд, тут же взвизгнул от возмущения:

— Моя футболка!

Черная ткань не просто превратилась в жеваный комок — на груди и животе красовались белесые пятна и брызги, которые теперь вряд ли отстираются.

Выпустив пар, Ли Вэньсю вальяжно развалился на стуле. Выглядел он более чем довольным: губы алели ярче обычного, а во всем облике читалось сытое удовлетворение. Мельком бросив взгляд на пострадавшую одежду, он лениво бросил:

— купишь новую.

— Их больше не выпускают! — с душевной болью выкрикнул Синьцянь. — Это же лимитка!

— Ты носишь лимитированные коллекции? — с легким изумлением переспросил Вэньсю.

Синьцянь гордо выпрямил спину:

— Коллекция «One Piece» от Uniqlo позапрошлого года!

—...

Такое понятие «лимитки» выходило за рамки представлений Ли Вэньсю о роскоши. Помявшись, он проговорил:

— Ладно, я найду тебе абсолютно новый комплект, идет?

— Да ну, — не поверил Синьцянь. — Старая коллекция ведь...

— Я тебе хоть десятилетней давности раскопаю.

— Честно?

— Не раскопаю — отсосу.

Вот теперь Синьцянь поверил на все сто. Даже если и не найдет — какая разница, Синьцянь в любом раскладе оставался в плюсе! Довольный этой мыслью, он, мурлыкая под нос незамысловатый мотивчик, отправился менять одежду, а затем уединился в ванной, чтобы вручную застирать испорченную вещь.

Вэньсю ждал-ждал в гостиной, но парень так и не появлялся. Наконец не выдержал:

— Ты чего там застрял?

— Футболку стираю! — донеслось из ванной.

— Ты же вроде выбросить её хотел?

— Кто сказал «выбросить»?! — свято возмутился Синьцянь. — Ополосну, высохнет — и снова как новая!

—...

Ли Вэньсю прождал еще с полчаса, пока Синьцянь наконец не явился на свет божий.

— Иди сюда, — поманил его Вэньсю.

— Зачем? — наученный горьким опытом Синьцянь мгновенно встал в стойку.

— Не бойся, приставать не стану, — спокойно пообещал Вэньсю. — Просто поговорим.

Ладно уж. Синьцянь подошел и опустился на диван.

Вэньсю закинул руку за спинку дивана, обнимая Синьцяня, и вернулся к прерванному разговору:

— Знаешь, почему я в свое время оказался в том парке аттракционов?

— Поразвлекся? — предположил Синьцянь.

— Можно и так сказать, — Вэньсю горько ухмыльнулся. — Семейство решило, что я слишком переутомился, и, проявляя «заботу», выделило мне один-единственный выходной. Покататься на каруселях и развеяться.

Синьцянь уловил сквозящую в его голосе фальшь:

— В каком смысле «переутомился»? Какой еще выходной?

— Сверхспособности проявились у меня в шесть лет, — тихо заговорил Вэньсю. — Я тогда еще толком не понимал, что к чему, зато мой дорогой папаша сразу сообразил, как использовать этот дар, чтобы взобраться по карьерной лестнице. Меня за человека не считали. Спустя пару лет такой «службы» я уперся рогом и отказался дальше работать. Родня решила, что это обычные детские капризы, купила билет в парк и велела телохранителям вывезти меня на прогулку.

— Да что за урод?! — Синьцянь аж задохнулся от возмущения. — Ладно в детстве эксплуатировали, но выгнать ребенка в парк под конвоем шестерок — это они, по-твоему, «любовь» так проявляют?!

— Не кипятись. Не будь той поездки — мы бы не встретились, — мягко проговорил Вэньсю. — И именно благодаря тебе, вернувшись домой, я твердо решил порвать с ними раз и навсегда.

Вэньсю ронял эти слова легко и непринужденно. Но Синьцянь понимал: будь у родителей хотя бы капля искреннего тепла к собственному ребенку, тот никогда не пошел бы на такой шаг.

Кто бы мог подумать, через какой ад пришлось пройти Ли Вэньсю...

На сердце у Синьцяня стало тяжело и тоскливо. Не зная, как облегчить эту боль, он крепко сжал ладонь Вэньсю и с полной серьезностью пообещал:

— Я все понял.

— Теперь я буду о тебе заботиться.

Вэньсю на мгновение опешил, а потом качнул головой:

— Я это не ради жалости рассказываю. Просто мы теперь вместе, и я не хочу, чтобы между

нами оставались тайны. Мне хочется разделить с тобой все — и светлое, и темное.

Синьцяня захлестнула волна нежности и сочувствия. Он уже собрался что-то возразить, но Вэньсю опередил его:

— Хотя мне безумно приятно, что ты так переживаешь за меня.

Синьцянь густо покраснел. Не умея говорить красивых ласковых фраз, он просто гордо задрал подбородок и заявил:

— Да разве это забота? Вот побудешь моим парнем побольше — узнаешь, как я умею баловать!

— С удовольствием, — усмехнулся Вэньсю. — Буду с нетерпением ждать.

Синьцянь окончательно засмутился. Задиристая реплика исчерпала весь его запас смелости, и, чтобы не сгореть от стыда, он поторопился сменить тему:

— Ты сказал, что благодаря мне решил сбежать от семьи. А почему благодаря мне?

Вэньсю на секунду задумался, после чего выдал:

— Да ты тогда выглядел настолько жалко, что я подумал: «Нельзя опускаться до такого уровня, я же не могу быть еще несчастнее этого оборвыша». Вот и ушел.

Синьцянь: «...»

У него даже слов не нашлось от такой наглости.

— Шучу-шучу, — Вэньсю ласково сжал его пальцы. — Я давно искал повод вырваться. Единственное, о чем жалею — что не забрал тебя с собой прямо тогда.

Звучит фантастически, но именно тот безымянный мальчишка дал ему силы изменить свою судьбу. Знать бы тогда, что Синьцяню приходится ничуть не слаще, Вэньсю без раздумий утащил бы его к себе и вырастил сам.

— Вообще-то... — вспомнил Синьцянь и неловко замялся, — я ведь и в шоу-бизнес подался только из-за тебя.

Вэньсю изумленно моргнул, а затем расплылся в улыбке:

— Неужели влюбился с первого взгляда? Эй, малец, крутить романы в школьном возрасте запрещено!

— Кто крутил романы?! — Синьцянь мгновенно выпрямился и со всей серьезностью вылил на него ушат холодной воды: — Я просто восхищался тобой и хотел стать таким же крутым!

Вэньсю неожиданно вспомнил их «первую» встречу пару лет назад. Синьцянь тогда тыкал ему в лицо чуть царапаным пальчиком и жаловался на травму. Вэньсю тогда еще подумал, что парень странный и пытается так топорно флиртовать. А оказывается, тот просто пытался намекнуть на давнее знакомство!

— И почему ты мне прямо во всем не признался?

— А откуда я знал, помнишь ты меня или нет? — Синьцянь качнул головой. — Начни я лезть с воспоминаниями — решил бы еще, что примазаться хочу к знаменитости. И остался бы я у разбитого корыта.

— Значит, примазаться, — тихо смакуя каждое слово, повторил Вэньсю. А потом добавил с хитринкой: — И у разбитого...

Синьцянь: «...»

Хоть когда-нибудь ты можешь побыть серьезным?!

Впрочем, после этого откровения остатки неловкости между ними окончательно улетучились. То ли дело было в общих детских воспоминаниях, то ли в том, что Синьцянь окончательно осознал: в быту от величественного образа «Бога Ли» не остается и следа. Трудно сохранять благоговение перед кумиром, когда видишь, как тот спросонья, с вороньим гнездом на голове, шлепает в туалет и спросонья едва не сносит головой дверной косяк.

Съемок в ближайшее время не намечалось: оставалось лишь закрыть пару рекламных контрактов да поучаствовать в промо-туре нового фильма.

Вэньсю, впахивавший без продыху больше года, решил устроить себе полноценный отпуск. С его статусом в индустрии можно было спокойно уйти в затворничество хоть на пару лет — позиции это не пошатнет. К тому же теперь, когда рядом был Синьцянь, работающий лучше любого успокоительного, отпала необходимость играть злодеев, чтобы сбрасывать накопившийся негатив.

У Синьцяня же просто не было на примете стоящих сценариев, так что он с чистой совестью наслаждался весенней ленью.

Спустя два дня безделья Синьцянь вспомнил про заначку с «презервативами и смазкой», запертую в комод, и в нем снова заиграл азарт.

Вэньсю и сам едва сдерживался, однако из осторожности переспросил:

— Ты точно уверен, что организм восстановился?

— Ты во мне сомневаешься?! — моментально вспыхнул Синьцянь. Он, вообще-то, здоровый девятнадцатилетний парень! Крепче любого алмаза!

Чтобы развеять сомнения, он задрал футболку, демонстрируя свеженаработанный кубиковый пресс:

— Я в планке десять минут стоять могу!

Вэньсю смерил его скептическим взглядом:

— Подумаешь, десять минут.

Синьцянь обомлел:

«В смысле "подумаешь"? Это же целых десять минут!»

Синьцянь твердо вознамерился показать Ли Вэньсю на практике, что такое настоящие десять минут. Оба загорелись этой идеей и сразу после обеда отправились в душ, готовые к серьезному марафону.

Тренировки явно пошли на пользу — Синьцянь заметил, что во время поцелуев у него больше не сбивается дыхание.

Но едва Вэньсю перешел к решительным действиям, Синьцянь ойкнул:

— Постой! У меня же всё в комод заперто...

— У меня всё есть.

С этими словами Ли Вэньсю выдвинул ящик своей тумбочки. Синьцянь лишился дара речи: внутри аккуратными рядами, словно на стеллажах супермаркета, были уложены десятки пачек.

— Не занадто ли?.. — вытаращился он. — Это же на всю жизнь хватит!

— Месяца на два, — невозмутимо прикинул Вэньсю и распечатал первую коробку.

Синьцзянь не успел высказать всё, что думает об этих гигантских запасах, как почувствовал странный зуд. Протянув руку, он нащупал нечто мягкое и пушистое — толстый черный хвост.

Подняв глаза, он обомлел. В изголовье кровати возвышался огромный черный леопард. Его золотистые глаза светились в полутьме спальни, словно два мощных прожектора, и не мигая уставились прямо на Синьцзяня.

Леопард: [Пристальный гипнотизирующий взгляд]

Синьцзянь: «.....»

<http://bllate.org/book/19727/1985886>